

ПО СТРЕМИТЕЛЬНОЙ РЕКЕ СПЛАВ...

Марине

Век двадцатый не давал прав,
век двадцатый отбирал жизнь.
Перед вечностью поэт прав,
не умея потакать лжи.

Ты, Марина, хорошо взвесь:
злость людскую оторви-брось —
это только клеветы взвесь,
это только для петли гвоздь.

По стремительной реке сплав —
жизнь поэта — через ток дней.

Веры, слова и любви сплав,
безысходность, боль и страх в ней.

Горечь времени одной есть,
воспевать её на весь свет.
Даже в смерти свой резон есть —
утешения, увы, нет.

CLOCK-CLOCK

Иду по асфальту я: цок-цок —
Часы по-английски мне: Clock-clock.
С надломленной ветки течёт сок —
Часы по-английски мне: Clock-clock.
Не спит муравейник — жилой блок —
Часы по-английски мне: Clock-clock.

Смеётся с портрета поэт Блок —
Часы по-английски мне: Clock-clock.
Как будто по телу идёт ток —
Часы по-английски мне: Clock-clock.
По темечку, вниз до ступней ног —
Часы по-английски мне: Clock-clock.
Я вырвала с корнем волос клок —
Часы по-английски мне: Clock-clock.
Железную шпорой в большой бок —
Часы по-английски мне: Clock-clock.
Всё время, как бремя, как злой рок
Часы по-английски мне: Clock-clock.
Я злюсь, я зверею!.. Какой прок?
Часы по-английски мне: Clock-clock.

РЕЗЕРВНЫЙ ПРОРОК

...Автомобили катятся
по булыжной мостовой,
точно вода по рыбам Гудзона...
И. Бродский

Тьма опустилась, город сожрал
непроглядный смог.
Душно, как в банке, накрытой
грязным обрывком тряпицы.
Души деревьев давно
расклевали птицы.
Время ещё осталось, но
растеклось лужицей возле ног.

В этот протухший от ожиренья
мирок,
в сонный Нью-Йорк
не восшествовал, не ворвался,
просто запнулся-упал,
а потом остался,

нет, не философ, не бог —
резервный пророк.

В серый, пустой,
бесцветно-вонючий сток
раз окунулся, вышел и,
преклонив колени,
буднично, как раз плюнуть, он
оправдал перед светом тени,
спас, отмолил и прах отряхнул
с сапог...

С самой высокой горы оценив
результат, подведя итог,
перепроверив: светит ли солнце,
вода течёт ли,
яркость, контрастность и звук —
насколько отчётлив,
руки умыл, отчёт написал:
«Всё, что смог».

* * *

А ночью по Тверскому ходят лошади,
Да Пушкин улыбается на площади.
И город поразительно красив!
Газон лесною кажется поляною,
фонарь — луною. И брожу я пьяною
походкой, оставляя след-курсив,

и напевая песенку чуть слышную.
Играет ветер сорванной афишею,
читая вслух четыре буквы: МХАТ!
А кони, возомнив себя Пегасами,
над клумбами, как будто
над пампасами,

Любовь Гудкова — поэт, автор сборника стихов «Благодарю!» (2001 г., г. Иваново). Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (2007 г.), семинар Фирсова В.И. Имеет многочисленные публикации в журналах и альманахах, в том числе: «Тула», «Артбухта», «45-я параллель», «Белая скала». Финалист IX международного поэтического конкурса «45-й калибр», участник международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Проживает в г. Москве.

стремглав неужерчимым
вихрем мчат.

Окружена особняками старыми,
ночными пробираюсь тротуарами
туда, где радость смешана с тоской.
Бульварные скамейки да излучины
до сантиметра навсегда заучены,
и выделены жирною чертой.

Здесь памятными стелами
и плитами,
подсветкой электрической
залитыми,
дома гордятся. А над головой
Два скакуна из племени икарова:
по масти от гнедого до чубарого
за место в небе бьются меж собой.

На них созвездья сверху
смотрят выпренне.
Они ж копытом бьют.
И сыплет искрами
на мостовую мелкое стекло
дождя. И в это самое мгновение
бронзовогривый жеребёнок гения
пытается подняться на крыло.

* * *

Всевластье снегопада над Москвой.
Зима. Ажурный свет.
Хрустальный воздух.
Становятся рубиновые звёзды,
обшитые тесьмою кружевной.
Не потревожен гулом городским
под снежной шубой дремлет
Долгорукий...

Доносятся пленительные звуки
из-под земли. И я спускаюсь к ним
гранитными ступенями на счёт,
раскисшим снегом, переходом
гулким.

Вибрацией волшебной закоулки
наполнены. И музыка влечёт

к себе и останавливает там,
где создают гармонию вселенной,
Вивальди исполняя вдохновенно,
альты, и отзываются альтам

виолончели, скрипки, контрабас...
Смычки взмывают в потолок
бетонный,
неистово дробя на обертоны
мелодию, пространство, время, нас!

Всевластье снегопада над Москвой
разрушено! И всё вокруг звучало
лавинным грохотанием обвала,
а после захлебнулось тишиной!

ЗОЛОТО ВЕРЫ, БЕЗВЕРИЯ ПОЗОЛОТА

К 200-летию Бородинской битвы

Золото веры, безверия позолота
многими неотличимы, неразделимы
ни перед носом, и ни с высоты
полёта —
зёрна от плевел отнять
не всегда могли мы.

Золото веры, безверия позолота
равно тускнеют, когда в них
потребы нету.
Но, если есть для великой души
работа,
ясным становится то, что ведёт
нас к свету.

Золото веры, безверия позолота.
Мерой войны наступает момент
высокий!
Враг иноземный ворвался
в мои ворота —

топчет жнивьё и плодов моих
выжал соки.

Золото веры, безверия позолота.
Маленькой каплей слезы
приросла надежда.
Родина наша, Отечество, из оплота
хлебом насущным нам стала,
водой, одеждой.

Золото веры, безверия позолота —
полутонам больше в нашей
не быть палитре!
С крестным знаменем взяли
мы из киота
Образ святой и древнейшей
из Одигитрий.

Золото веры, безверия позолота.
Мы, головою склонясь у её подножья,
Знали — ведёт нас на подвиг
её забота:
«Убереги нас, Смоленская
Матерь Божья!»

Золото веры, безверия позолота.
В пушки, в штыки переплавилось
то — не это.
Мы под знамёна вставали
за ротой рота —
Шли на врага, не дождавшись
ещё рассвета.

Золото веры, безверия позолота.
Около Бородино мы с Наполеоном
Бились до крови, до ран,
до седьмого пота,
и побеждали, и гибли на поле оном.

Золото веры, безверия позолота.
Се укрепилось, а лишнее мишурую
сыпалось наземь: в канаву,
ручей, болото.
Стала опорю вера в угаре боя!

Золото веры, безверия позолота.
Верно сражаясь, мы выгнали
супостата
с нашей земли, что для каждого
патриота
будет вовеки веков дорога и свята.

Пусть двести лет пролетят
над этой странюю,
чтоб сохранить нам отчизну,
надо всего-то
не перепутались чтобы между
собою
золото веры, безверия позолота.

Й (И КРАТКОЕ)

Дай мне йоду замазать раны.
Да не яду, чудак, а йоду.
Эти раны ветрами рваны,
обречёнными дуть на воду.

Ну, не надо истерик. Что ты?
Уж не тронутый ты, не псих ли?
Я себя не отдам ни йоты.
Видишь, боли уже затихли.

Если что, я немного йогой
овладела. Теперь я — Будда.
Да не лезь со своей убогой
трепотнёй, всё равно забуду.

Я тебе не смогу и трети
рассказать, что со мною было.
Я в тайгу уходила, к йети —
эх, живут они там уныло...
И по стрит-авеню Нью-Йорка
я броджила месяц кряду...
Вспомнить сладко,
а помнить — горько.
Нет, не йоду. Давай-ка яду.

Фальшивы охи, стоны, поцелуи,
 Фальшивы слёзы, но не всё ль равно,
 Когда любить не кажется грешно,
 И даже городских фонтанов струи
 Нас горячат сильнее, чем вино?
 Как будто кто-то Сильный

превратил
 Их в терпкий и пьянительный
 напиток,
 И мы, гермафродитами улиток,
 Без раковин, без платьев и без крыл
 Сплавляемся в один бесценный
 слиток!

ВСЕГДА

Я это знала, видимо, всегда:
 Вечерний свет пурпурный
 и багряный,
 Зелёный цвет заросшего пруда
 И воздух пряный и немного пьяный
 Вдыхала я, мне кажется, всегда.

Как полновесность зрелого плода
 Наступит лишь в положенные сроки,
 Так дни, недели, месяцы, года
 Бесценные летели, но уроки
 Учила я, мне кажется, всегда.

Росла, как всё живое, без стыда.
 Что открывала, то несла с собою.
 Стать птицей, без малейшего труда,
 Или любую каплей дождевою
 Умела я, мне кажется, всегда.

ПРО УЛЕТАЮЩИХ ПТИЦ

Из «Осенних тетрадей»

Забурлила вода, вырываясь
 за край камышовой оправы.
 Клич прощальный нарушил
 гармонию, врезался в слух.

Полетел белоснежными хлопьями
 по ветру пух,
 опустился на землю, укрыл,
 точно снег, пожелтевшие травы.
 Обжитые просторы когда-то
 зелёных долин,
 покидают сегодня большие
 и сильные птицы.
 Круг почёта над голой землёю —
 нельзя не проститься.
 Машут крылья — и в серое небо
 вонзается клин.
 Солнце первым лучом красит
 в золото белую стаю,
 взявшись за руки, вслед ей мы долго,
 тревожно молчим...

Всё затихло, и мир этот стал
 совершенно иным.
 Дождь ли, слёзы ли льют по щекам —
 я не знаю, не знаю...
 Так, наверное, очень давно,
 под сердец перестук,
 занесённый навечно в ячейки белко-
 вой спирали,
 изумлённые люди с щемящей
 тоской провожали
 в первый раз первых птиц,
 что впервые летели на юг...

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА

Весна. Сирень, вскипевшая, без меры
 Инстинкты пробудила ото сна.
 Пусть говорят, что цвет любви
 не серый...
 Любовь, как волчья ягода, красна!

И, отравившись ягодой лесной,
 С привычной речи вновь сорвусь
 на вой!
 Как прежде, на охоту выйду первой —
 Опасной, ловкой, желтоглазой
 старшой.

Умолкнет филин. Зазвенит сосна.
Застынет взгляд
насторожённо-волчий,
Когда взойдёт на небо среди ночи
Луна, как волчья ягода, красна!

И, причастившись ягоды хмельной,
Тропой любви отправлюсь
за весной...

* * *

Я устроена много проще —
сломит чёрт ногу, руку выломит —
зацелована — святы мощи,
по воде написана вилами.

Отрываюсь, плачу и плачу.
На погосте сквозь землю вылезти,
раздавая богатым сдачу,
да собирая у нищих милости,

ничего мне не стоит. Мощи
хватит — тысячи солнц внутри меня.
Вот такую ты, мой хороший,
так легко на другую выменял.

ГРОЗА

Гроза-то нам в наказание посылается,
чтобы мы чувствовали...

А. Н. Островский «Гроза»

А страшит немало
грешников гроза —
в книге я читала
много лет назад.
На обложке тучка
изображена.
Для тебя я — сучка,
а ему — жена.
Я всегда готова
есть с твоей руки.
Муж приносит снова

с поля васильки.
Он со мною нежен.
Ты жесток и груб
к мякоти черешен
сладких сочных губ.
Дарит муж объятья,
туфельки и брошь.
На груди мне платье
в нетерпенье рвёшь!
Высекаешь плетью
из меня огонь!
Мужу шрамы эти
целовать, ладонь...
Я сниму колечко
ржавое от лжи...
Под обрывом речка
тёмная бежит.

ОНИ

А Она уже не скрывала слёзы...
Пёс Ей вслед смотрел и дрожал
всем телом —
он хотел бежать и хотел остаться,
он скулил и тявкал щенком
молочным.

Подбегал к Нему и просил ответа
на немой вопрос: «Почему так
вышло,
что Она уходит во тьму и морось,
а они остались стоять на месте?»

Лапы клал на плечи, в глазах
пытаясь
прочитать любовь, что они таили.
Только в них теперь ни любви,
ни боли —
в них теперь одна пустота слепая.

Да и как такое понять собаке
(для которой верность дороже
жизни),

что один простить не сумел другому,
и теперь они навсегда чужие.

И открылась дверь,
как всегда со скрипом,
и они вошли — человек с собакой —
в дом, где пахнет хлебом
и корвалолом,
дом, в котором раньше
их было трое...

ГЕРБЕРЫ

Я не любила герберы раньше,
теперь я их ненавижу вовсе!
Что же поделатъ? Такая осень:
в куртке промокшей из тонкой
замши

холодно очень. Да что я тешу
глупой надеждой слепую душу?
Просто я трушу, я трушу, трушу...
Осень, как осень. Газонов плещи,

летом протоптанною дорогой,
стали чернее, зато заметней.
Падают листья на плечи? Сплетни
это всё. Просто не ждать итога

трудно, а ждать невозможно больно.
Видеть как ты на краю постели
сидя, решил: «Виноград-то зелен!»
Осенью? Милый, ты что? Ну, полно!

Спелого, сочного просто горы!
Чем же тебе, дорогой, отрада
кислая зелень? У винограда
тоже есть срок. Только ты упорно

верить не хочешь. Да кавалеры,
как сговорившись, мне шлют поклоны,
проклятый мной виноград зелёный
и пресловутые те герберы.

* * *

Накрасить глаза, чтоб не плакать
от боли... не плакать...
Плакатную стрижку, одёжку
напрялить с обложки.
Не новый рецепт, но поможет,
хотя бы немного.
А дальше... как знать, может,
всё ещё будет отлично.
Возможно приличья ещё соблюсти
и терпением
наполнить себя до краёв,
вместо мерзкого пойла.
А после курить по две пачки подряд,
улыбаясь
тому, что бодрят они лучше,
чем утренний кофе,
который в постель ты приносишь
всё так же исправно,
но всё же горчит он чуть больше,
чем слёзы... чем слёзы...

ЗНАЕШЬ, Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ. ОЧЕНЬ!

Знаешь, я ненавижу тебя. Очень!
«За что?» — спросят глаза твои
синие.
Растопят слова мои кружево инея —
Я повторю, громко, что есть мочи:
«Знаешь, я ненавижу тебя. Очень!»
«За что?» — спросят глаза твои
синие,
А в них небо, и оно вверх
тормашками...
— Но у тебя нет крыльев, бедняжка, и
Для тебя закрыты авиалинии.
«За что?» — спросят глаза твои
синие.

Растопят слова мои кружево инея —
Крупными каплями он по щекам
стечёт, и

Какие ещё между нами остались
счёты —
Потушен очаг и разрушена
ветхая скиния...
Растопят слова мои кружево инея,
Я повторю громко, что есть мочи:
«Ты, только ты есть у меня на свете!
Только с тобой у меня могли бы
родиться дети...»

В середине притихшей
и устоявшейся ночи
Я повторю, громко, что есть мочи:

«Знаешь, я ненавижу тебя. Очень!
Ты любишь меня, но, как старая
лампочка, вполнакала.
И этой твоей любви мне
чудовищно мало!
Вот за это я разорву твоё сердце
в ключья.

Знаешь, я ненавижу тебя. Очень!»

ЛИЛИТ — АДАМУ

Тебе не жаль потерянного рая?
Я говорила: «Не вкуси плода!»
Но, своенравно чувствами играя,
ты пренебрёг обетами тогда.
Зарёванная, гордая, нагая
была я глиной под твоей ногой...
А рядом зубы скалила другая,
«Попробуй, — соблазнила, —
дорогой!»

и нарвала заветных яблок с древа,
не ведая, что дальше предстоит...
Так знай, что искусителя напева
не слушала бы мудрая Лилит!
А что ещё содеяла бы Ева,
когда в ребре и капли мозга нет?
Но ты, Адам! Как не боялся гнева
Его, нарушив волю и запрет?!

Всё та же, оскорблённая, босая...
Не мать, и не сестра, и не жена
спустя тысячелетья вопрошаю:
«Ты за ошибки заплатил сполна?»
И снова ты, другую выбирая,
лишаешься блаженства навсегда.
Тебе не жаль потерянного рая?
Я говорила: «Не вкуси плода!»

БЫТИЕ

3:16. Жене сказал: умножая мно-
жу скорбь твою в беременности
твоей; в болезни будешь рождать
детей; и к мужу твоему влечение
твоё, и он будет господствовать
над тобою.

... И к мужу твоему влечение твоё
умножу — Он сказал — и будет
над тобою
он властвовать — сказал —
и будет обладать...

Я слушала Его с поникшей головою...
Я думала о том, что фиговым листом
Себя мне не прикрыть
от взглядов посторонних...
Откуда этот стыд? Щека огнём горит.
А в голове и вид и простенький
фасон их —
Трусов или кальсон, а может,
панталон —
Смешались времена и нравы
и обычай...
А кантик голубой и бантик
кружевной.

Да шёлк или батист,
иные все грубы, чай,
Материи для нас. О чём я?
Боже мой!
Меня сегодня вот прогнали
вон из рая!
Ах, это всё она! Противная змея!
А шкурка у неё красивая такая...

Конечно, это шок! Такой бы ремешок
И тужельки у нему, и сумочку,
и платье!
Да бусики... Ах, да! Иди сюда, Адам!
Хотела расспросить тебя я
о зарплате...

* * *

Как по ножам я к исповеди шла
перед людьми и Богом виновата.
И божий страх стекал, как пот со лба,
и ожидала верная расплата.
Но, как и прежде, на глазах у всех,
я улыбалась, вспоминая грех,
и плакала... С тревогой и мольбой
смотрела в лица и не находила
ответа. Края ризы голубой
коснувшись, и, под свет паникадила
попав, забыть хотела этот стыд,
что пред глазами у меня стоит.

Но голубем во мне толкнулась жизнь,
когда вопрос встал строго: или-или.
Не убоявшись горьких укоризн,
я вырвалась из-под эпитрахили.
Пусть грех, пусть блуд...
Да как ни назови,
я не смогла раскаяться в любви!

* * *

Я в Сочельник просочилась
к тебе в сердце.
Я проникла в твою крепость,
к тебе в замок.
Я приникла к темноте твоих изнанок
И молилась о тебе — единовеце.

Я прильнула к твоему стальному торсу.
Я желала поцелуя, но не смела.
Я свой крестик теребила то и дело,
И гайтан мой оборвался, перетёрся.

Я несла тебе и золото, и ладан.
Я оставила себе всю горечь смирны.
Я давно уже смирнейшая
из смирных.
Не гадала, но ты мною был угадан.

Я звёзды не дождалась
и причастилась
Твоих таинств и плодов твоих
запретных.
Книги правы, но нарушила завет их
Так легко, что даже и не изумилась.

Тьма сгущалась. С ней в борьбу
вступали свечи.
Как азартно ты и я с огнём играли!
Полночь близилась, и время
по спирали
Уходило, торопясь вочеловечить

Образ твой. Как это, в сущности,
нелепо,
Безрассудно и безумно,
но волшеббно...
Ночь и ветер! Вместо Храма
и молебна
На соломе я сажу внутри вертепа.

Оказалась перед тягою соблазна
Я слаба. Но в этот час родится сила.
Отказаться от любви своей,
мой милый,
Во спасение души твоей согласна.

О ДУШЕ СВОЕЙ ДАЖЕ НЕ ДУМАЯ

Её беды весьма преуменьшены —
Он не любит и бросил с двумя.
Страх и боль поселяются в женщине,
если в польмя да из огня,
о душе своей даже не думая,

сиганёт, и была такова...
Вот наивная, вот неразумная.
Перепутать дела и слова,
а потом вечно слушать от матери:
«Что ж в подоле ты нам принесла?»
И смотреть, вытирая со скатерти
капли слёз, как они мал мала
ещё меньше сиротками бегают
при живом и успешном отце.
Для которого альфой с омегою
на его обручальном кольце
стали клятвы, а вовсе не плотские,
самолюбие как тут не тешь,
встречи с ней и бумажка

с полосками,
на которые столько надежд
возлагалось. Красавица, скромница,
есть таланты к искусствам,

к тому ж.
Как случилось, что банить приходится
в соцсетях всех,

кто спрашивал: «Муж
где у вас? Как детей ваших
отчество?»

Волком выть! Но при этом лицо
сохранять! Как же, в сущности,

хочется
гада этого сделать вдовцом!
Растерзать бы его благоверную,
чтобы мокрого даже следа
не оставить! Семью их примерную
уничтожить совсем!!! И тогда
приползёт, никуда он не денется,
будет ноги в пыли целовать! —
так порочного выбора пленница
рассуждает опять и опять.

Её беды весьма преуменьшены.
Только множит грехов своих суть...
Ангел с виду — несчастная

женщина.
Помолитесь о ней кто-нибудь!

* * *

А мне, большой и сильной,
небом выдан
от горестей моих надёжный щит.
Он мал и слаб, и даже чёрен с виду,
но с ангелами белыми мурчит.

Он знает утешительное слово
беззвучное и оклик боевой.
Он часто угощает домового
сметаной из блюдца своего.

А в страшной темноте шипит
так громко,
так грозно: «Ты уйди, беда! Уйди!»
И ночь меня, как малого ребёнка,
укачивает на своей груди.

Признанием я тайны не нарушу:
Настолько восхитителен и мил,
что острым коготком меня за душу
он крепко и надолго зацепил.

***

Памяти тёти Влади

Знаете, она не умерла!
Видите, как светом осиянна!?
Серебрится как вокруг чела
аура живая непрестанно!?
Или это сквозь завесу слёз
локоны седых её волос?

Нет, я ошибиться не могла.
На лице разгладились морщины,
и с неё сошла печали мгла,
будто не жила и половины
этих девяноста трудных лет.
Их следа теперь в помине нет!

Перемены сложно осознать,
осязать их пробуя несмело.

Повернулось — чувствуете? — вспять
время, и пространство закипело.
И предсмертный горестный оскал
на губах улыбкой заиграл!

Вышло солнце. По его лучу
Бог спустился, светом озаря
всё вокруг.

Я в тишине шепчу:
Видите!? По воздуху босая
рядом с Ним беспечна и легка
девочка идёт за облака!

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Я сегодня отпускаю обиды,
даже тем, кто не попросит прощенья.

За врагов своих молиться привычно:
Пусть Господь их вразумит

и простит.

Ничего, что их нападок и злобы,
и насмешек их живая мишень я.
Бог — моя неразрушимая крепость,
прочный мой непробиваемый щит!
Ничего, что их наточено жало,
я оружия из ножен не выну.
Пусть любовь и состраданье

достигнут

даже тех, кто слепы к ним и глухи.
И по заповеди божьей подставляю
им без страха я и щёку и спину,
уповая, что Господь милосердный
и мои тогда забудет грехи ...